

- Все эти шрамы... - тихо произнесла Вэй Тинсюй. - Это то, что осталось мне на память от того года, когда Се Фучэнь держал меня в заточении.

Мягкий свет свечи отражался в глазах Вэй Тинсюй, окрашивая её спокойный взгляд в янтарный цвет. Казалось, будто редчайшее сокровище, погребённое на тысячи лет в глубинах снега и льда, впервые пробило ледяные оковы.

- Се... Се Фучэнь?

Вэй Тинсюй произнесла это слишком внезапно, отчего Чжэнь Вэньцзюнь на миг опешила, прежде чем смогла осознать услышанное.

Вэй Тинсюй когда-то обещала, что когда они встретятся вновь, она расскажет, откуда взялись шрамы у неё на спине. Вот только Вэй Тинсюй всегда была скрытной, подозрительной и пугающе острой в суждениях, чтобы так просто раскрывать то, что таилось у неё на душе. Поэтому Чжэнь Вэньцзюнь никогда не думала, что она действительно когда-нибудь отбросит всю свою осторожность и решится доверить кому-то свои сокровенные тайны прошлого.

Кто бы мог подумать: то, что она так долго пыталась выведать всеми правдами и неправдами, но не могла заполучить, внезапно открылось само собой в тот момент, когда она уже оставила всякую надежду.

- Да, именно тот самый Се Фучэнь, главный цензор Се, которого ныне почитают как величайшего учёного.

Раньше Чжэнь Вэньцзюнь часто гадала, как именно появились эти шрамы на спине Вэй Тинсюй. Она знала, что той пришлось пережить страшное прошлое, и порой даже пыталась вообразить детали тех жестоких истязаний, но в итоге всегда отвергала свои догадки.

Этого не может быть, - думала она. Каждому из этих шрамов на вид было никак не меньше десяти лет. Десять лет назад Вэй Тинсюй была ещё совсем ребёнком. Кто бы стал подвергать маленькую девочку столь изощрённым пыткам? Наверняка это был несчастный случай.

Оказалось, вовсе не несчастный случай.

На самом деле её прежние догадки лишь слегка задели край истинных, чудовищных страданий Вэй Тинсюй.

В эту ночь в поместье Вэй две девушки, едва спасшиеся от смертельной опасности, сидели вдвоём: одна лежала ничком, другая устроилась рядом. Превозмогая острую боль в израненных телах, они говорили без умолку до самого рассвета. И когда Вэй Тинсюй закончила свой рассказ о былых годах, у Чжэнь Вэньцзюнь окончательно пропал всякий сон.

За всю свою жизнь ей ещё никогда не доводилось слышать столь леденящей душу истории. Она и представить не могла, что человеческая жестокость способна настолько превзойти самые мрачные границы её воображения.

Слушая воспоминания Вэй Тинсюй, произносимые почти безжизненным, ровным тоном, Чжэнь Вэньцзюнь словно воочию увидела, как перед ней разверзлись врата ада. Маленькая Вэй Тинсюй вела её за руку по бескрайней, глухой пустоши напрямик к самому зловещему обрыву. А затем, указав рукой в кромешную тьму, откуда то и дело доносились истошные крики, тихо произнесла: «Вот оно, моё прошлое. Именно оттуда я и вернулась».

Чжэнь Вэньцзюнь всегда верила, что в становлении каждого человека есть своя чёткая причинно-следственная связь. То, что сегодня она сама стала мастером интриг, способным без колебаний запятнать руки в крови, брало своё начало от того самого портрета, который господин Юньмэн когда-то передал Се Тайхану. Не будь она так похожа на ту спасительницу, которую отчаянно разыскивала Вэй Тинсюй, она, возможно, до сих пор мирно жила бы с матушкой в Суйчуане. Или же, успешно сбежав из поместья Се, нашла бы тихий уединённый уголок среди живописных гор и рек вдали от вечных распрей и вела безмятежную жизнь. Она бы не оказалась в Жунине и не превратилась бы в человека, чьи уста полны лжи, а глаза не дрогнут при убийстве.

То же самое произошло и с Вэй Тинсюй.

Родившись и повзрослев в могущественной семье, будучи самой младшей дочерью, Вэй Тинсюй должна была купаться в любви и заботе всех своих близких. В нормальных условиях у неё не было бы никаких причин расти столь изощрённым, расчётливым и безупречным стратегом, не допускающим ни единой осечки. И в том, что сегодняшняя Вэй Тинсюй стала столь беспощадной и карающей фигурой, заслуга Се Фучэня была неоценима.

Вэй Тинсюй родилась в Жунине, и с самого появления на свет её здоровье оставляло желать лучшего. В возрасте двух лет она подхватила тяжелейшее воспаление лёгких и едва не умерла. Её отец и мать обошли всех лекарей Великой Юй, больше полугода непрерывно поили её горькими отварами и в конце концов сумели вырвать маленькую Тинсюй из лап смерти. Но её организм всё равно оставался крайне слабым: три дня лёгких недомоганий сменялись пятью днями тяжёлой болезни, а лекарства она пила вместо обычной воды.

Опасаясь, что дочь просто не удастся выходить, супруги Вэй пригласили в дом известного прорицателя, дабы тот определил судьбу их дитя. Он, взглянув на девочку, заявил, что её врождённая энергетика подобна «пламени, сжигающему бескрайние поля». Столица же Жунин являлась «землёй Водного Дракона». Противоборство этих двух мощных и яростных стихий наносило сокрушительный удар по её хрупкому телу, и оставаться здесь ей было категорически нельзя, иначе она никогда не поправится. Её следовало немедленно отправить в края с чистым воздухом и живописными водами, чтобы дитя впитывало первозданную эссенцию природы. И лишь по достижении шестнадцати лет её можно будет забрать обратно в столицу, тогда она обретёт крепкое здоровье, избавится от болезней и невзгод и благополучно доживёт до девяноста девяти лет.

Услышав такой вердикт от прорицателя, семье Вэй ничего не оставалось, кроме как отослать Вэй Тинсюй прочь. Её отправили на воспитание в их родовое гнездо в округе Пинцан.

В те времена Вэй Лунь ещё не занимал высокий пост одного из Трёх гунов, а был лишь чиновником в Министерстве чинов. Его старшего сына от законной супруги, Вэй Цзинсю, почитали как гения, подобного которому в Великой Юй не рождалось последние пятьдесят лет. В возрасте шестнадцати лет он отправился с армией в поход против племени Гуцян и разбил в пух и прах их воинов, владевших тайными колдовскими искусствами. В последующие семь лет он нанёс сокрушительное поражение всем варварским племенам, расширив владения Великой Юй с тридцати шести округов до сорока восьми. Мужественная отвага Вэй Цзинсю и его божественный полководческий дар были в те годы самой излюбленной темой для разговоров как в высших кругах власти, так и среди простого народа. Стоило варварским воинам услышать имя Вэй Цзинсю, как они без боя обращались в бегство.

В ту упадническую эпоху, когда в моде были изнеженность и слабость, а «Порошок Фужун» лишал людей воли, Вэй Цзинсю явился подобно карающему мечу, возникшему из ниоткуда. Он пронзил насквозь погрязшую в пороках Великую Юй и вдохнул новую жизнь в сердца простых людей, привыкших лишь к известиям о поражениях. Он доказал им, что на земле Великой Юй всё ещё рождаются мужественные сыны, способные сокрушать врагов и защищать государство.

В то время император чрезвычайно высоко ценил Вэй Цзинсю. Нарушив все правила, он лично пожаловал ему высочайший чин великого генерала кавалерии, позволил открыть собственную резиденцию-канцелярию и одарил миллионом золотых. Всё ради того, чтобы вся Великая Юй видела его триумф, дабы воодушевить народ и побудить как можно больше людей добровольно идти на службу ради защиты рубежей родины.

В те годы его именовали «Великим генералом Тайцзин». Вдобавок к военным заслугам он обладал исключительно красивой внешностью: несмотря на долгие годы, проведённые в бесконечных сражениях, он оставался статным как вековая сосна и безупречным как чистейший нефрит. Все знатные девы Великой Юй грезили о нём в своих девичьих снах. И хотя свахи толпами осаждали поместье Вэй, эти почести и слава не вскружили Цзинсю голову. Он всегда чётко помнил, кто он такой, и твёрдо знал, что должен делать. Достигнув тридцати лет, он так и не обзавёлся женой и детьми, целиком посвятив себя служению. Все его мысли занимали лишь защита государства и изгнание варваров.

Вэй Лунь неизменно гордился своим сыном, однако умудрённый опытом советник семьи Вэй однажды предостерёг его, высказав тайное опасение:

- Великий генерал Цзинсю - человек выдающихся достоинств, непревзойдённый гений. Для народа это великое благо, но для вашего дома, господин, это может обернуться бедой.

Вэй Лунь с полуслова понял, на что намекает советник. Цзинсю был чист помыслами и предан правителю, однако сердце правителя переменчиво и непостижимо. Ныне авторитет и слава Цзинсю были слишком велики, и ничто не гарантировало, что Сын Неба не заподозрит его в желании затмить своей славой трон и поднять мятеж. И хотя его сын искренне служил императору, Вэй Луню волей-неволей пришлось проявить настороженность.

Вэй Лунь многократно пытался прощупать истинные намерения Сына Неба. Тот на словах без конца осыпал Вэй Цзинсю похвалами и перед Вэй Лунем ни единым намёком не выказывал подозрений, однако втайне приказал Се Фучэню, занимавшему тогда должность командира гвардии Хубэнь, устроить засаду на пути генерала, когда тот отправится навестить родных, и тайно похитить его.

Вэй Цзинсю возвращался в Пинцан в строжайшем секрете, не сообщая об этом посторонним. Предал же его тот, кому он в то время доверял больше всего на свете - его личный слуга и сопровождающий. Этот человек с малых лет был его товарищем по учёбе, они вместе выросли, вместе изучали древние каноны и бок о бок бились на полях сражений, изгоняя варваров. Он был доверенным лицом Вэй Цзинсю, человеком, которому тот мог безоглядно вверить свою жизнь. Кто же знал, что в итоге его жизнь действительно оборвётся по вине этого друга.

Всю правду об этом происшествии Вэй Тинсюй узнала лишь много лет спустя.

В те годы девятилетняя Вэй Тинсюй была настолько слаба телом, что одежда казалась ей неподъёмной ношей, и она без памяти любила своего старшего брата. Её только-только привезли обратно из гор Суйдун в поместье Пинцана для мирного восстановления сил, её ноги уже были разбиты параличом, она не могла ходить и большую часть времени проводила

взаперти. Вэй Цзинсю знал, что младшая сестрёнка постоянно плачет и рвётся увидеть его, но из-за слабого здоровья не может приехать в столицу. Выкроив время в круговороте государственных дел, он примчался в Пинцан навестить её, привезя с собой целую телегу самых модных столичных игрушек. Пользуясь весенним теплом, он решил вывезти её за город на прогулку, подышать свежим воздухом и именно на этой прогулке они и попали в засаду, устроенную Се Фучэнем и его людьми.

Вэй Тинсюй до сих пор отчётливо помнила тот день, изменивший всю её жизнь. Проснувшись рано утром, она увидела, что её матушка, старшая сестра и брат стоят на крытой галерее-веранде и смотрят на небо. Преисполнившись любопытства, она тоже устремила взор ввысь: в небесах бок о бок сияли два золотых солнца, заливая землю ослепительным, режущим глаза светом.

- Два солнца борются за сияние¹ - это зловещее предзнаменование, - произнёс Вэй Цзинсю, поглаживая бороду с глубокой тоской в голосе.

Матушка ласково прервала его:

- Цзысю, ты ведь только приехал, оставь эти тревожные мысли и хорошенько отдохни дома несколько дней.

¹«☀☀» (два солнца в небе традиционный китайский символ борьбы за верховную власть между двумя правителями).

Вэй Цзинсю тихо согласился и направился в комнату посмотреть, проснулась ли младшая сестра.

Скушав лишь несколько ложек каши, Вэй Тинсюй уже вовсю упрашивала брата вывезти её на прогулку. Вэй Цзинсю бережно поднял её на руки и надёжно перенёс в повозку. Сидя лицом друг к другу, они увлечённо соревновались в сложении стихов. На самом интересном месте экипаж резко замер, а снаружи раздались истошные крики: «Убийцы!» Лицо Вэй Цзинсю вмиг стало суровым. Велев сестре оставаться на месте и ни в коем случае не двигаться, он молнией выскочил наружу, одним точным пинком опрокинул первого нападавшего, перехватил его оружие и, подобно могучему быку, ринулся в бой по дикому луку. Везде, где он проходил, нападавшие падали под его натиском, не в силах оказать ни малейшего сопротивления.

В тот самый миг, когда Вэй Цзинсю был готов в одиночку сокрушить их всех, он внезапно услышал плач младшей сестры. Один из убийц схватил Вэй Тинсюй и потребовал, чтобы Вэй Цзинсю сдался без боя, иначе девчонку убьют.

Вэй Цзинсю ничего не оставалось, кроме как бросить оружие. Его связали и угнали вместе с Вэй Тинсюй.

Вэй Тинсюй до сих пор не знала, где именно находилось то место, в котором она провела весь последующий год. Она помнила лишь, как пришла в себя взаперти в тесной водяной тюрьме.

Тюрьма была шириной всего в два её обхвата, а в высоту чуть выше её роста. Сначала она сидела на полу, её шею сковывал железный ошейник, прикованный к стене, руки были заломлены за спину и заперты на замок у поясницы, а ноги разведены и прикованы к двум напольным кольцам по бокам. О побеге не шло и речи, она не могла даже изменить положение тела. Ей приходилось в муках непрерывно держать спину и шею абсолютно прямыми.

Пол водяной тюрьмы был ледящим, камера была заполнена холодной водой, доходившей ей

до пояса. Вэй Тинсюй жутко боялась холода. В этой мрачной сырой темнице она провела трое суток без единой крошки еды. Бесчисленное множество раз, изнывая от невыносимой жажды, она пыталась согнуться, чтобы сделать глоток воды из-под ног, но ошейник прочно удерживал её шею, делая это невозможным.

Сверху тюрьма была накрыта круглой деревянной крышкой, в центре которой решётчатые балки закрывали колодец. Множество раз в полузабытьи ей чудилось, будто сверху появляется брат: он пришёл спасти её, и она снова вернулась в тёплый дом в Пинцане, где ест стряпню матушки и старшей сестры. Но едва она открывала глаза, как понимала, что всё ещё заперта в воде и ничего не изменилось.

От слишком долгого пребывания в воде её и без того слабая поясница невыносимо заныла. Измученная голодом, жаждой и стужей, она всхлипывала и звала на помощь, но за всё время никто так и не пришёл. Счастье ещё, что её ноги уже были разбиты недугом и лишены чувствительности, даже когда плоть начала размякать в воде, она не ощущала этой боли. Мыши, пролезавшие сквозь деревянную решётку сверху, безнаказанно грызли её тело, и она никак не могла дать им отпор. Но мука от того, что из тебя заживо вырывают куски плоти, была вовсе не пределом кошмара. Это было лишь началом.

На четвёртый день её брат действительно появился. Вот только он пришёл вовсе не спасать её.

Крепко связанного Вэй Цзинсю с силой швырнули прямо на деревянный настил над головой Вэй Тинсюй. Его лицо было залито кровью. С трудом разомкнув веки и увидев полную ужаса сестрёнку, он слабо улыбнулся:

- Тинсюй, не бойся, брат здесь...

Вэй Тинсюй, которую колотила непрерывная дрожь, выдыхала изо рта блёклый пар и испуганно смотрела вверх. Едва она удостоверилась, что в этот раз ей не чудится и она действительно видит брата, её отчаявшееся сердце вновь согрелось. Но в то самое мгновение, когда она собиралась позвать его, железный штырь с глухим треском обрушился на затылок Вэй Цзинсю. Тот стойко принял этот удар: широко распахнув глаза, он лишь крепче стиснул зубы и не издал ни звука.

Железная палка безумно колотила его по голове, спине и ногам. Куда бы ни приходился удар, он так и не издал ни единого стога, и уж тем более не произнёс ни слова мольбы о пощаде. Вэй Тинсюй могла лишь неотрывно смотреть на лицо брата: лицо, полное невероятной стойкости. Сама его негибаемая натура была крепче любого железа.

- Цзысю и впрямь оказался крепким орешком, Се выражает своё почтение.

Истязатель остановился, тяжело дыша, лишь когда железный штырь согнулся от ударов. Вэй Тинсюй услышала мужской голос, эхом разнёсшийся по промозглой комнате - незнакомец назвал себя «Се».

Вэй Цзинсю даже не удостоил того ответом. Он лишь широко улыбнулся сестре, и струйка крови брызнула из его рта. Вэй Тинсюй оцепенела.

- Брат... тебе... больно? - спросила она.

- Не больно, - ответил Вэй Цзинсю. - Доблестные мужи Великой Юй не знают, что такое боль. У этих подлецов даже сил маловато, они могут лишь почесать брату спинку!

Вэй Цзинсю скорчил гримасу и высунул язык: именно этой обезьяньей ужимке Вэй Тинсюй чаще всего просила его научиться. Каждый раз, когда брат притворялся обезьянкой, она заливалась весёлым смехом. Этот раз не стал исключением: глядя на его комичный вид, Вэй Тинсюй сквозь крупную дрожь невольно рассмеялась.

Но стоило улыбке коснуться её губ, как из четырёх стен камеры хлынули бурные потоки ледяной воды. Маленькая тюрьма стремительно заполнялась, и уровень воды резко пополз вверх. Прямо над головой Вэй Тинсюй как раз находилось сливное отверстие, леденящий поток хлынул на неё нескончаемым водопадом. Вэй Тинсюй зашлась в непрерывном кашле, и с каждым вдохом вода всё сильнее забивала ей рот и нос. В тот самый миг, когда она ощутила, что задыхается, ошейник на шее внезапно поддался, а замки на руках распахнулись. Вода уже дошла ей до подбородка и вот-вот готова была полностью накрыть её с головой.

Вэй Цзинсю истошно закричал сверху:

- Вдохни!

Вэй Тинсюй поспешно сделала глубокий вдох. В глазах у неё потемнело, в ушах раздался глухой гул и вода полностью сомкнулась над её головой.

С самого детства она умела плавать и отлично держалась на воде, но после того как у неё отнялись ноги, она больше ни разу этого не делала. Всё её тело было погружено в ледяную воду, а ноги оставались бесполезными плетями. К счастью, замки на них были сняты. Вэй Тинсюй, отчаянно борясь за жизнь, принялась загребать воду руками и, вытянув их вверх, ухватилась за решётчатые балки. Силой рук она подтянула тело кверху и обнаружила, что поток воды прекратился, а между водной гладью и деревянным настилом осталась узкая щель. Стоило лишь высоко запрокинуть голову, как рот и нос могли вдыхать воздух.

Ради спасения жизни ей приходилось непрерывно удерживать это положение. Стоило проявить хоть малейшую минутную слабость, как очередной всплеск колеблющейся воды мгновенно захлестнул бы её лицо. Лишённая опоры в ногах, она вкладывала все силы в то, чтобы сохранить эту позу, не смея расслабиться ни на миг. Но даже так она несколько раз сильно наглоталась воды, отчего в носу невыносимо и жгуче закололо.

Ледяная вода застудила её руки так, что те едва не потеряли чувствительность, а сердце в груди готово было вот-вот остановиться. Вэй Тинсюй не хотела умирать здесь, а потому искусала губы в кровь, дабы острой болью удерживать сознание. Стоило ей упасть в обморок и её ждала лишь одна участь: захлебнуться и пойти на дно.

- Тинсюй! Держись! - Вэй Цзинсю, который ещё мгновение назад улыбался и корчил рожицы, теперь своими глазами видел, что его сестрёнка находится на волосок от смерти, тогда как сам он не мог вырваться из сковывавших тело железных цепей. В безумном исступлении он принялся биться головой о балки решётки, отчаянно пытаясь раздробить их в щепки.

И он действительно сумел их проломить.

Перевернувшись, Вэй Цзинсю уже готов был ринуться прямо в водяную тюрьму, но враги рванули за цепи, увлекая его назад. Сначала один человек попытался удержать его, но чуть сам не улетел следом в колодец, тогда подоспели ещё двое, и лишь общими усилиями троих мужчин им удалось оттащить генерала обратно.

- Перережьте ему сухожилия на ногах, - вновь раздался голос человека по фамилии Се.

Вэй Тинсюй ничего не могла сделать, она не была способна защитить даже собственную жизнь. Балансируя на самом краю человеческих возможностей, она ловила каждый странный приглушённый звук снаружи водяной клетки, и эти звуки заставляли её сердце замирать от дикого ужаса.

Она не знала, сколько времени провела в этой отчаянной борьбе в воде. Лишь когда ей начало казаться, что её тело уже превратилось в окоченевший труп, её наконец-то выловили наружу.

Вэй Тинсюй, чьё сознание уже мутилось, бесцеремонно швырнули на пол в другой комнате. В полузабытьи она сжалась в комок, крепко обхватив себя руками, и из последних сил пыталась заставить занемевшие пальцы двигаться, растереть тело и согреться, дабы просто выжить.

И как раз в тот миг, когда к её пальцам наконец начала возвращаться подвижность, у её уха раздалось влажное, тяжёлое дыхание, а вокруг сгустились несколько тёмных теней.

Этот звук не принадлежал человеку. Вэй Тинсюй сразу его узнала: так дышали собаки.

Она пришла в неопишуемый ужас и замерла, боясь шевельнуться и даже дышать. Лишь её глаза, которыми она только и смела двигать, скользнули по сторонам. Оказалось, её бросили прямоком в псарню, а вокруг стояли четыре свирепых пса с приплюснутыми головами и широкими пастями. Псы окружили её и непрерывно обнюхивали, будто прикидывая, годится ли она в пищу. Собачья слюна капала прямо ей на волосы, и она явственно ощущала жуткий, зловонный запах сырого мяса из их пастей.

По ту сторону собачьего вольера двое мужчин прижимали к полу Вэй Цзинсю, которому только что подрезали сухожилия на ногах. Грубо схватив за волосы, они заставляли его смотреть на происходящее.

- Будь спокоен, мои псы отлично выдрессированы и знают команду. Я постараюсь соблюсти меру, чтобы они не загрызли твою сестрёнку насмерть. Вот только моё терпение не безгранично: чем дольше ты молчишь, тем больше мук перенесёт твоя сестра. Цзысю, хорошенько подумай, готов ли ты заговорить.

Вэй Тинсюй не знала, что тот человек по имени Се хотел получить из уст её брата, и её раненый брат как всегда улыбался ей.

- Тинсюй! Сегодня мы с тобой оба погибнем здесь. Скажи мне! Ты боишься?!

Вэй Тинсюй знала, что больше всего на свете её брат боялся, что она сдастся и признает поражение. Она также прекрасно понимала, что этот мерзавец по фамилии Се только и ждёт её слёз, ждёт её истошных криков. Ведь тогда её брат не выдержит, его сердце дрогнет, и он может подчиниться ради её спасения. Она не могла тянуть брата на дно, категорически не могла.

- Не боюсь, - дрожащим от холода голосом ответила Вэй Тинсюй. - Сегодня мы... погибнем вместе. На дороге к Жёлтому источнику нам будет не скучно вдвоём!

Услышав от малолетней сестрёнки столь мужественные и величественные слова, Вэй Цзинсю громко расхохотался:

- Хорошо! Не зря ты моя сестра! Сегодня мы, брат и сестра, погибнем вместе!

- В тот миг я уже была готова к смерти. На самом деле я ужасно боялась умирать, просто ещё сильнее я боялась опозорить брата и запятнать имя семьи Вэй.

Одна масляная лампа уже успела догореть. Чжэнь Вэньцзюнь поднялась, подлила масла и с помощью огня зажгла её вновь. Дождавшись, пока пламя стабилизируется, она вернулась на мягкую кушетку, продолжив осматривать раны Вэй Тинсюй и аккуратно прикладывать к ним истолчённые в кашицу целебные травы.

- Разумеется, в итоге я не умерла. Меня просто оставили жить в псарне, где я сама превратилась в часть собачьего корма.

Рассказывая об этих делах давно минувших дней, Вэй Тинсюй на протяжении всего повествования сохраняла отстранённый тон, будто описывала историю, случившуюся сотню лет назад с кем-то совершенно посторонним.

Четырёх свирепых псов привязали на цепи ровно по четырём углам вольера. Они рвались к ней со всех четырёх сторон, и единственным местом, где можно было укрыться от их клыков, оказался самый центр псарни. Вэй Тинсюй, у которой собаки уже успели вырвать несколько кусков плоти, в конце концов нащупала эту спасительную центральную точку. Обезумевшие от голода и учуявшие запах крови псы свирепели всё сильнее: они оглушительно лаяли, без конца бросаясь в её сторону, а если не могли дотянуться зубами, то пускали в ход когти. Вэй Тинсюй сжалась в комок, обхватив голову руками. Ей нужно было защитить уязвимую голову и грудь, поэтому ей оставалось лишь подставить под удары спину, принимая на неё все нападения.

Она понятия не имела, сколько времени провела в этом вольере. Помнила лишь, как сидела там на коленях, обхватив голову руками, день и ночь не смея пошевелиться. При этом ей приходилось сохранять высочайшую бдительность: нельзя было позволить ни одной собаке намертво вцепиться в неё и утащить в свой угол, иначе в мгновение ока её разорвали бы в кровавое месиво.

Собачий лай непрерывно гудел и звенел у неё в ушах. Когда её спина превращалась от укусов и когтей в сплошное кровавое месиво, стая ненадолго оставляла её в покое, но стоило ранам покрыться коркой, как псы бросались вновь. В то время её раны никогда не заживали до конца, они гноились, а саму её била сильная лихорадка. Однако этот подлец Се неизменно присылал людей, чтобы те кормили её и даже обрабатывали раны, он не позволял ей умереть по-настоящему.

Вэй Тинсюй бесконечно переживала отчаяние за отчаянием в этой беспросветной мгле, и столь же бесконечно копила в себе ненависть. Лютую, смертную ненависть к человеку по фамилии Се.

Однажды принесли еду.

Едва появлялся корм, внимание собак переключалось на него, и в эти мгновения Вэй Тинсюй получала короткую передышку.

Человек, доставивший пищу, приготовил исключительно собачью бурду, швырнув одну миску прямо перед Вэй Тинсюй.

От этой похлёбки шёл невыносимый, тошнотворный смрад сырого мяса и гнили, от которого Вэй Тинсюй едва не вывернуло наизнанку. Но, если не съесть это, её ждала лишь смерть.

Тогда она колебалась, стоит ли вообще цепляться за эту жизнь. Если она останется жива, то

может превратиться в обузу для брата. Но если она умрёт...

Если она умрёт, кто тогда покарает этого выродка по фамилии Се? Всея её накопленной ненависти некуда было деться, а погибнуть, унеся эту обиду с собой в могилу, было совсем не то, чего она желала.

Она должна была выжить. Выжить, чтобы вернуть врагам абсолютно весь сегодняшний позор и сполна отплатить за него.

- И... ты съела это? - Чжэнь Вэньцзюнь панически боялась даже представить такое. В глубине души она уже знала утвердительный ответ, но чисто по-человечески ей безумно хотелось, чтобы Вэй Тинсюй всё опровергла.

Расплывшееся от опухоли слева лицо Вэй Тинсюй уже не могло выразить ни единой эмоции, но она ответила Чжэнь Вэньцзюнь своим молчанием.

Чжэнь Вэньцзюнь не смогла выдать ни слова. Было просто невозможно вообразить, через какую чудовищную внутреннюю борьбу прошла тогда Вэй Тинсюй.

Проглатывая кусок за куском эту собачью бурду, Вэй Тинсюй не плакала, она даже ни разу не моргнула. Она видела, что Вэй Цзинсю снова притащили к клетке, снова этот подлец по фамилии Се надеялся, что генерал сломается и подчинится, увидев столь жалкую и страшную участь своей сестры. Но Вэй Тинсюй не позволила Се добиться желаемого. Своим твёрдым, несгибаемым взглядом она безмолвно говорила брату: «Я не заставлю тебя сгорать от стыда. Никогда».

- Подобные дни длились целый год. Я провела бок о бок с собаками целый год. За это время Се Фучэнь испробовал против нас с братом абсолютно все изощрённые пытки, какие только можно было вообразить или какие могли превзойти грани человеческого разума. На моих глазах они даже надругались над моими служанками, угрожая, что если я не заставлю брата открыть рот, то со мной поступят точно так же. Но теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что мне повезло: в самый последний момент мой отец и несколько старших братьев наконец-то разыскали место, где нас тайно держали под стражей, и вызволили меня.

Все раны на спине и руках уже были тщательно обработаны мазью. Вэй Тинсюй хотела было протянуть руку за чистой сухой одеждой, но Чжэнь Вэньцзюнь опередила её: бережно подав вещи, она набросила их ей на плечи.

- Да и, спасти удалось только меня. Мой брат и все остальные сопровождавшие погибли в тех застенках. А тех несчастных служанок они замучили до смерти своими надругательствами и издевательствами.

Вэй Цзинсю до самого последнего вздоха так и не выдал тайну, которую так отчаянно пытался выведать Се Фучэнь. Когда второй по старшинству брат бережно поднял Вэй Тинсюй на руки, она мельком увидела его тело. Её обожаемый старший брат, некогда статный, могучий и крепкий исполин, превратился в обтянутый кожей скелет. Его безжизненные останки сохлись в крошечный комочек, жалко свернувшийся на полу.

Таков был финальный удел легенды Великой Юй - великого генерала кавалерии Тайцзин.

Матушка увезла её обратно в поместье Вэй в Жунине для восстановления сил, однако состояние Вэй Тинсюй ухудшалось день ото дня. Мать вспомнила предсказание прорицателя, к тому же Вэй Лунь начал всерьёз подозревать, что за этим похищением тайно стоял сам Сын

Неба. Жуниин превратился в крайне опасное место, где было небезопасно оставлять женщин и детей. Тогда Вэй Лунь велел супруге забрать всех домочадцев и вернуться в родовое поместье в Пинцане, с тех пор он принялся активно возвращать и тренировать высококлассных тайных стражей для защиты семьи. После этой трагедии характер Вэй Луны изменился бесповоротно: он стал мрачным, скрытным и непостижимым, окончательно вступив на стезю «вероломного и продажного чиновника».

Здоровье Вэй Тинсюй так и не шло на поправку. Матушке ничего не оставалось, кроме как подыскать старинную древнюю обитель и отправить её жить туда в надежде, что Будда явит чудо и спасёт жизнь её несчастной дочери.

До сих пор Вэй Тинсюй отчётливо помнила этот гулкий, протяжный звон колокола древней обители по утрам и вечерам, а также монахов, которые и под палящим солнцем, и на снегу тренировались с обнажённым торсом. Она жила в башне буддийских свитков, из-за слабого здоровья у неё практически не было возможности выходить наружу. Даже в Пинцане с его исключительно мягким климатом один-единственный выезд на свежий воздух тёплым весенним днём мог обернуться для неё тяжелейшим приступом болезни.

Маленькое окошко в башне буддийских свитков было единственным выходом из её крошечного уединённого мирка. Она часами лежала у этого окна, вглядываясь наружу. Она ни разу не заговорила ни с одним из монахов, но безошибочно различала каждого, кто здесь жил. Она могла на память сказать, сколько ступеней на длинной лестнице, ведущей к воротам обители, из скольких каменных плит состоит двор, где монахи практикуют боевые искусства, а также точно знала, когда дикие гуси улетают на юг и когда возвращаются обратно.

Помимо приёма бесчисленных лекарств, она ничего не могла делать, да и не желала никого видеть. В то время Сяохуа и Линби жили вместе с ней при храме, однако они редко попадались ей на глаза и появляясь лишь тогда, когда она сама звала их при острой необходимости.

Чтение сутр и древних манускриптов было её единственным утешением. Местная библиотека, помимо буддийских канонов, хранила более четырёх тысяч томов классических трудов различных философских школ. Бесценное собрание, принадлежавшее одному великому учёному, жившему тридцать лет назад. Настоятель как-то поведал Вэй Тинсюй эту историю: тот учёный всю жизнь страстно собирал редкие древние книги, но его потомки ушли в торговлю. Опасаясь, что после его кончины родня бездумно распродаст уникальные единственные экземпляры, он перед смертью безвозмездно передал их в дар храму.

Вэй Тинсюй читала дни и ночи напролёт, словно одержимая, не выпуская свитки из рук.

- Я делала это вовсе не для того, чтобы за чтением предать всё забвению. Я каждую секунду помнила обо всём, что Се Фучэнь сотворил со мной и моим братом. Мне нужно было нарастить перья на крыльях, узнать и понять как можно больше, чтобы отыскать на страницах этих книг способ отомстить. - В глазах Вэй Тинсюй, так долго хранивших абсолютное спокойствие, наконец вскипела буря. - Ненависть и позор заставляли мой разум быть чистым. Я дала себе клятву: истребить всех до единого потомков и сородичей из клана Се. Я хочу, чтобы каждый, кто носит эту фамилию, принял смерть от моих рук и чтобы Се Фучэнь сполна заплатил ту цену, которую обязан заплатить.

Этот долгий рассказ о делах минувших дней наконец подошёл к концу, и Чжэнь Вэньцзюнь следовало бы облегчённо перевести дух. Однако едва сорвались с губ Вэй Тинсюй эти последние слова, как она вспомнила о вещи, о которой не помышляла уже очень давно.

Как бы ей ни хотелось этого отрицать, какое бы глубокое отвращение это у неё ни вызывало, существовал один факт, который она была совершенно не в силах изменить.

Она не была никакой «Чжэнь Вэньцзюнь». Её настоящая фамилия - Се.

В её жилах текла кровь клана Се, и для Вэй Тинсюй она являлась злейшим врагом, с которым невозможно жить под одним небом.

<http://bllate.org/book/17227/1721827>